

ГОД ДОСТОЕВСКОГО

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-5-11

© В. Е. БАГНО

ДОСТОЕВСКИЙ: ВСТУПАЯ В ТРЕТЬЕ СТОЛЕТИЕ (ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ НА ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ)*

К 200-летию со дня рождения Достоевского мы пришли с убеждением, что романы русского писателя в переводах на языки мира — это всемирный язык межнационального общения, который понимают и на котором говорят сотни миллионов людей на земле вот уже несколько поколений, начиная с последних десятилетий XIX века. Мир покоряют не страны, и не идеи, не народы, и не их языки, а языки культур.

Принято начинать высокой нотой, а можно начать нотой сомнения, нотой смирения, как некогда Мережковский: «Но при мысли о будущем нельзя не вспомнить и о настоящем русской культуры. И вот тут-то и начинаются наши сомнения, наши смирения <...> Где сознательная, культурно-историческая преемственность, где живые кровные связи, которые соединяли бы наше сегодняшнее с этим вчерашним? И действительно ли это *наше* вчерашнее, *наши* предки? Мы признаем их нашими; но согласились ли бы и они, в свою очередь, нас, таких, как мы теперь, признать не только своими потомками, но и своими наследниками? Не отказались бы они от этой чести? Что, если не оправдание, а осуждение наше именно в том, что у нас такие предки».¹

Теперь мы знаем, Мережковский ошибался. Замечательная русская культура Серебряного века отличалась от великого русского романа XIX столетия, но если не своими наследниками, то своими потомками он бы ее признал. И все же по сути Мережковский не ошибался — тот же вопрос встает и перед нами, и о Достоевском мир рассуждает сегодня, несмотря на все наши сомнения и все наши смирения, а признал бы писатель нас своими потомками — решит время.

Достоевский с конца XIX столетия для всего мира был не только автором романов, но и властителем умов. То эмоциональное потрясение и тот новый духовный опыт, которые стали следствием чтения его книг, постоянно публиковавшихся в новых переводах на языки мира, трансформировались для целых поколений в некие культурные универсалии, а те, в свою очередь, — в особые жизненные программы и модели жизни. Именно *переживание* Достоевского, его мировидения и мирочувствования, абсолютно по-разному прочитанных, услышанных и усвоенных миллионами людей во всем мире, стало важнейшим явлением культурной, интеллектуальной и духовной жизни XX — начала XXI века.

Поэтому, не умаляя значения попыток, усилий и накопленного опыта нескольких поколений специалистов по творчеству русского писателя, согласимся, что мнение современных деятелей культуры (писателей, режиссеров,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90014 «Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность».

¹ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 140–141.

актеров, философов, музыкантов, художников), представляющих различные страны, заслуживает особого внимания. Огромное значение имеет тот факт, что речь идет о тех авторитетных в настоящее время у себя на родине людях, представления которых формируют общественное мнение завтрашнего дня.

При этом важно и другое — это мнение во многом типично не только для соотечественников того или иного писателя или режиссера, откликнувшегося на нашу просьбу. Так, не все представители славянских народов подписались бы под утверждением одного из самых популярных современных македонских писателей Венко Андоновского: «И сегодня по всему свету слышен его призыв вернуться к небесному и духовному и отвергнуть земное и материальное общество потребления. Отбросить пагубный *антропоцентризм* западной цивилизации и вернуться к *теоцентризму*. Этот *теоцентризм* у Достоевского означает только одно: Христос и спасение души. То, что интересует и людей с Запада»,² — и в то же время далеко не только славяне разделяют его убеждения.

Важно и то, что известные деятели культуры, включая писателей, в большинстве своем являются прежде всего талантливыми читателями, к мнению которых прислушиваются, быть может, не менее талантливые, но неизвестные читатели произведений русского писателя, а также те, кто о Достоевском только слышал, но романов его не читал.

Радующую и одновременно пугающую близость русского писателя второй половины XIX столетия нашему времени пытались объяснить все, кто писал о Достоевском в XX веке, и все, кто сегодня откликнулся на наше предложение поразмышлять на эту тему. Так, перуанский поэт Альфредо Перес Аленкар убежден: бессмертие Достоевского в том, что сегодня любой незащитный, затравленный и несчастный человек, где бы он ни жил, найдет и узнает себя на страницах романов Достоевского и всю жизнь будет ему за это благодарен. Русский писатель является нашим современником точно так же, как он сам сумел, покоров нас своим князем Мышкиным, перенести в романе «Идиот» в XIX век Христа и Дон Кихота Сервантеса.

Если мы соглашаемся с тем, что Достоевский — писатель не для всех, то мы давно согласились и с тем, что он писатель навсегда. Еще в 1887 году, когда европейский читатель, безоговорочно признав великими писателями Толстого и Тургенева, с опасением смотрел на Достоевского, испанская писательница Э. Пардо Басан в своей книге «Революция и роман в России» при всех необходимых оговорках утверждала, что романы русского писателя не годятся для тех, кто берет в руки книгу, ложась спать, чтобы она навеяла сон, равно как и для тех, кто открывает книгу во время минут отдохновения, чтобы восславить Господа за его творение. И наоборот, лучше этих романов не придумать для беспокойных умов, уединившихся при свете керосиновой лампы и вбирающих в себя гул и трепет какого-нибудь большого города, такого как Париж или Петербург. Любопытно, что испанская писательница здесь противоречит сама себе,³ речь теперь идет не о том, что романы Достоевского — это зеркало русской души, чуждой и недоступной для западного восприятия (как она утверждала в посвященном Достоевскому разделе своей книги), а о том, что неравно-

² Участниками проекта «Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность», выполняемого при поддержке РФФИ, создана рабочая версия интернет-портала «Достоевский и мир»: www.dostomundus.ru (дата обращения: 31.07.2021). Композиция сайта основывается на трех ключевых разделах — «Анкета», «Библиография», «Фильмография». Здесь и далее цитируемые тексты можно найти на этом сайте в разделе «Анкета».

³ Ср. главу из книги Пардо Басан о Достоевском на сайте dostomundus.ru.

душные и беспокойные люди, любой национальности, с духовными, идейными и нравственными запросами именно в такой литературе и нуждаются.⁴

Время не могло не внести свои коррективы. Сегодня соотечественник Э. Пардо Басан Хосе Хименес Лосано пишет, в сущности, о том же, о «наследниках» первых читателей русского писателя, которым сегодня не нужна керосиновая лампа, но только Достоевский скажет им ту правду, в которой они нуждаются: «Мне кажется, что, само собой разумеется, страстное желание и неодолимая потребность читать Достоевского сегодня на Западе, надувшем щеки против буквы и книги, поугасла и еще поугаснет. Ясно и то, что никуда не денутся те, кто захотят знать чуть больше и чуть глубже о том, что представляет собой человек, те, кто попытаются понять это вместе с Достоевским, который, при всех метаниях, это понял, как никто другой».

Чем бы ни занимались наши талантливые современники, они готовы время от времени вспоминать столь полюбившихся им со студенческих лет героев Достоевского. Так, популярный южнокорейский композитор, автор песен и эссеист Чонг Бобби считает, что Достоевский предвидел все возраставшую одержимость человека идеями, фобиями, его тотальную и фатальную зависимость от них: «Из-за высокой степени научного прогресса и сделанных открытий в сфере интернета и мобильной техники, люди приобретают почти безграничную свободу и анонимность в виртуальной реальности. К примеру, как говорит один автор, о человеке можно узнать не по его речи, а по его поисковым запросам. Как Раскольников из „Преступления и наказания“ повторял нервное блуждание в своих моральных правилах, сейчас мораль каждого из нас проходит проверку в нашей повседневной жизни. Даже сейчас Раскольниковы XXI века с вредоносными кодами могут скитаться в даркнете».

Любопытно, что современные деятели культуры из разных стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, отвечая на вопрос: «Какой из героев Достоевского наиболее близок нашему времени?» — назвали совершенно различных персонажей писателя, косвенно подтверждая наше давнее убеждение, что, с одной стороны, благодаря именно Достоевскому мы знаем, насколько многолик человек, а с другой, что природа человека не меняется.

Итальянский писатель Джанрико Карофильо, всемирно известный мастер триллера и детектива, полагает, что герой, способный лучше всего рассказать нам сегодня о сложностях и неразрешимых противоречиях человеческой души, — это Дмитрий, старший из братьев Карамазовых.

Самый близкий нашему времени персонаж Достоевского, по мнению аргентинского актера и драматурга Альфредо Мартина, это Федор Павлович Карамазов, «средоточие власти и пороков без этических ограничений. Его безнравственные безнаказанные деяния лишают его роли отца, остановить его может только смерть — в данном случае убийство (отцеубийство). Такое произвольное поведение, бесконтрольная тяга к наслаждению, такое извращение семейных отношений как нельзя более характерны для нашего времени».

По мнению швейцарской писательницы Ирмы Ракуза, «к нашему времени больше подходят другие герои Достоевского: рвущийся к власти Ставрогин или Аркадий Долгорукий, который мечтал стать Ротшильдом. Не говоря уже об Иване Карамазове и его „Легенде о Великом инквизиторе“, в которой дан глубочайший анализ механизмов тоталитаризма и которая по сей день остается необычайно актуальной».

Пожалуй, самым неожиданным из всех является взгляд Хименеса Лосано: «Но книгой, которая меня действительно потрясла, оказались „Бесы“,

⁴ См.: Багно В. Е. Ясные поляны и петербургские углы России и русской литературы (Прогнозы и пророчества Э. Пардо Басан) // Русская литература. 2020. № 3. С. 74–84.

а самый близкий нам и нашей эпохе персонаж романа — Степан Трофимович, отец одного из „бесов“ романа, который блестяще персонифицирует крах, с одной стороны, либеральных чаяний, а с другой, многочисленных грядущих „бесовских“».

Необъяснимую притягательность героев Достоевского отмечали все читатели его таланта. В этом отношении заслуживает внимания признание бразильского писателя Марко Лукези, одного из тех, кто ощутил на себе это воздействие, превращающее читателей в его персонажей: «Я стал не просто шизофреническим читателем Достоевского: я начал становиться частью его сумрачного, глубинного мира, возможно превращаясь в одного из персонажей или доверенного и друга его героев. Не всех героев; скажем, я был между Алешей и Иваном Карамазовым. Как если бы я последним из его персонажей посетил князя Льва Николаевича Мышкина, в его трагической святости, или Настасью Филипповну, поглощенную бездной, Аглаю и ее неопределенную и непостоянную любовь или Парфена Рогожина, шумного и многогранного».

Но не меньшего внимания заслуживает и другое признание бразильского писателя: «И едва ли я подозревал, что все мое призвание было заключено в его романах. Что моей жизни коснется пламя их мученического величия».

Вполне естественно, что современных зарубежных деятелей культуры не может особенно волновать та общественно-политическая ситуация в России XIX столетия, которая нашла отражение в романе Достоевского. Тем более удивительно, что замечательный турецкий композитор, музыкант, кинорежиссер и авторитетный общественный деятель Зюльфию Ливанели убежден в том, что «нужно стараться понять, не будучи русскими, природу тех общественных взрывов и потрясений, которые и определили место русского романа XIX века в мировой литературе».

Однако, как и можно было ожидать, в романах Достоевского прежде всего видят правду о человеке и о месте человека на земле, правду, которую нигде и ни у кого мы больше не найдем.

Стоит при этом отметить, что, например, для Ирмы Ракуза очевидно, что у Достоевского «нет одной-единственной истины или правды, есть только истина, правда во множественном числе».

Венко Андоновский утверждает: «Мы ищем точный диагноз болезни, от которой человечество страдает в новейшее время, но он у нас уже есть. Его поставил Достоевский, точнее и смелее кого-либо другого».

Известный китайский поэт и художник Джиди Мацзя вошел в давно распахнутую читателями таланта русского писателя и с тех пор уже не закрывающуюся дверь, за которой находится неизменно волнующая человечество тема борьбы добра и зла в душе человека. Он напоминает нам о важнейшем предостережении Достоевского на все времена: «В поступках этих персонажей, начавшихся с добрых намерений, но закончившихся злом, проявился во всей полноте трагизм человечества: результатом добра может стать зло <...> Раскрывая тайну, что зло, по сути, порождено добром, писателю пришлось докопаться своей мотыгой до глубочайшей и чернейшей части человеческой души». И далее: «Достоевский важен тем, что он раскрыл нам необщепринятую истину, а именно: зло является составляющей частью человеческой личности, вечно сопровождающей человечество; демон может проснуться в любой момент в душе человека».

Все мы, казалось бы, говорим об одном и том же, о том, что не перестает волновать нас в романах русского писателя. И тем не менее видим мы разное и настаиваем на разном. Дато Маградзе, один из самых известных современных поэтов Грузии, кандидатура которого представлена в этом году на Нобе-

левскую премию по литературе, пишет: «Достоевский — словно папарацци движений души, и каждый нюанс душевных вибраций не остается для него незаметным. Писатель на „ты“ с истоком любого греха, но его бескрайняя любовь обращена к Христу. По моему мнению, так и получается: когда цивилизация упорно ищет в человеке преступника, то культура, в данном случае — Достоевский, ищет в преступнике человека».

Французский режиссер Дени Генун, попытавшись вслед за своими многочисленными предшественниками раскрыть секрет таланта Достоевского, проникшего в тайну природы человека, утверждает: «Персонажи, которые сталкиваются на сцене или, как в „Идиоте“, противостоят друг другу, страстно любят и безумно избегают себя, в тайне своих связей выходят за пределы самих себя и переносятся на другой план бытия. Никогда не отрицая своей земной человечности, они в каждое мгновение поднимаются на уровень огромных фигур, экзистенциальных титанов, вырезанных из обычного материала. Нет никакого нажима в этом возвышении: их стиль прост, их речь лишена выпуклости, их чувства прямые и узнаваемые. И все-таки противостояние между этими обычными людьми, заурядного масштаба, превращает их в метафизических гигантов».

Иногда для современных зарубежных деятелей культуры какие-то из кинофильмов и театральных постановок по мотивам произведений Достоевского имели большое значение, как, например, для известного аргентинского писателя Гильермо Саккоманно картина Петра Зеленки, представлявшая собой адаптацию «Братьев Карамазовых» на территории одного пражского завода. Эта версия до сих пор представляется ему «самой верной, потому что режиссер избегал копирования и прибегал к брехтовскому остранению».

Однако чаще те, для кого много значит слово самого Достоевского, уклоняются от вопроса об экранизациях и постановках и рекомендуют читать его романы. По признанию Джанрико Карофильо, ни одна из экранизаций и театральных пьес, поставленных по романам Достоевского, не произвела на него впечатления. Хименес Лосано утверждает: «Я всегда придерживался и придерживаюсь правила не смотреть театральные или кинематографические версии литературных произведений. Они разрушают атмосферу и представление о персонажах, которое у меня успело сложиться во время чтения». Солидарна с ними и Ирма Ракуза: «Признаюсь, что я всегда скептически отношусь к экранизациям произведений мировой литературы и их постановкам на сцене, потому что это неизбежно влечет за собой потери и некоторое упрощение. Книги нужно читать, а не переводить их во внешние образы, поскольку такие внешние образы задают фиксированные рамки и препятствуют свободной фантазии, которая работает у читателя».

Возможно, в этом заключается своеобразие взгляда современного интеллектуала (в отличие от «нечитателя»), для которого ценность слов, «послания» самого русского писателя многократно превосходят эстетическое воздействие произведений искусства, быть может выдающихся, для которых они послужили материалом, основой или вдохновляющим началом.

Несоответствие Достоевского среднестатистическому кинематографическому стандарту попытался определить живущий в США замечательный польский писатель Хенрик Гринберг: «Экранизация этого романа провалилась, потому что Голливуду требовалось торжество справедливости, в то время как Достоевского беспокоила — к его чести — господствующая несправедливость».

С Толстого, актуального в последние десятилетия XIX века, весь мир после Первой мировой войны в своих идейных и эстетических поисках и пристрастиях переориентировался на более актуального для XX столетия

Достоевского. Нет оснований считать эту переакцентуацию окончательной, но до сих пор она очевидна.

Как и можно было ожидать, в споре между Толстым и Достоевским современные зарубежные деятели культуры (тем более что речь идет о юбилейном годе) становятся на сторону Достоевского. Однако в этих оценках и аргументации нет единообразия.

Мы можем считать вполне обоснованным обостренный интерес современных демократических «разночинцев» к социальному происхождению персонажей Достоевского и Толстого, с неизменным предпочтением героев первого, поскольку это «простые люди», «живущие той же жизнью, что и мы», перед жизнью аристократов романов второго, которая чужда современному «среднему» человеку. Впрочем, то же противопоставление, с теми же акцентами и аргументами, было не редким и ранее.

«Не скрою, — признается, например, Хименес Лосано, — что буржуазный или дворянский салон или бальное зало у Толстого наводят на меня легкую скуку. А у Достоевского они могут быть такими же или поскромнее, но под его паркетом я ощущаю молчание или шорохи тех, кого Симона Вейль назовет „сотворенными бедой“».

В отличие от него Альфредо Мартин переводит разговор в другой, значительно более привычный регистр: «Мне очень близка позиция Достоевского, утверждавшего, что человек способен воспринимать добро и зло и свободен в своем выборе. Для Толстого же это хаос и слепота, обременяющие человеческий дух, если ему не удается пробудиться к творению, которое происходит вокруг него. Толстой был убежден, что призван установить царство Божие на земле, и не доверял Иисусу, его проповедям, его отречению. Он воспринимал христианство как учение, открывающее нам смысл жизни, и предостерегал тех, кто брал за образец Христа, а не истину. А вот для Достоевского центром притяжения является Христос».

Замечательно, что Перес Алленкар, уклоняясь от выбора между Толстым и Достоевским, предлагает каждому из нас вспомнить свое детство и попробовать сказать, кого мы любили больше, отца или мать.

Последним в анкете был вопрос: «Думаете ли Вы, что, прочитав романы Достоевского, можно получить представление о России, русском народе, русском национальном характере?»

По справедливому наблюдению Н. Я. Берковского, «откликнулся ли Запад на Тургенева, Толстого, Достоевского, это был отклик на Россию, в каждом писателе искали не столько его самого, сколько нацию и культуру, породившие его».⁵

В представлениях о России литература и породивший ее народ были нередко взаимозаменяемы. Великое предназначение страны «прочитывалось» в гениальности ее романистов, или же, наоборот, те, кто видел в части целое, утверждали, что великий народ не мог не породить великой литературы. Так, свою книгу путевых очерков «В сказочной стране» Кнут Гамсун начинает следующими восторженными рассуждениями: «Славяне, — думаю я и смотрю на них, — народ будущего, завоеватель мира после германцев! Неудивительно, что у такого народа может возникнуть такая литература, как русская, литература безграничная в своем величии и поразительная!»⁶

Ирма Ракуза с оговорками, но все же пытается ответить на вопрос, можно ли, прочитав романы Достоевского, получить некоторое представление о России и о русском народе: «Характеры Достоевского отличаются эмоциональные

⁵ Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 21.

⁶ Гамсун К. Полн. собр. соч. СПб., 1910. Т. 3. С. 450.

крайности, резкие переходы от одного настроения к другому и некоторая склонность к истерии. Являются ли эти особенности характерными для русского национального характера, я не знаю, — такого рода утверждение было бы штампом, а штампов все же хочется избегать. Но частотность проявления этого феномена поражает. Значит, наверно, в этом что-то есть».

По-своему, с позиций другой культуры и другого национального и религиозного опыта пытается ответить на этот вопрос и Зюльфию Ливанели. Видимо, многие деятели культуры согласились бы с ним, что Достоевский «опускается на самое дно человеческой души и исследует чувство вины, и, хотя он обращается к некоторым простым религиозным категориям, часто почти как прорицатель говорит о безрадостном будущем этого нового сложного мира». И в этом состоит его «всемирное», а не только «всерусское» значение. Однако вслед за тем он отмечает: «Следует с грустью отметить вот что: конечно, спасение души, которого удостоивается Раскольников, которое достигается полным раскаянием и признанием своих преступлений, не имеет веса для человечества в целом. Например, в нашем восточном обществе стыд, позор воздействует гораздо сильнее, чем осознание вины и раскаяние».

С точки зрения Хименеса Лосано, «в романах Достоевского перед нами человек, а русскость — это не более как указание на время, место и происхождение».

Как и Хименес Лосано, Карофилио категоричен: романы Достоевского — не о России и не о русском национальном характере, а о сложности человеческой души и трагедии бытия.

Чонг Бобби уклоняется от ответа, при этом в высшей степени иронично и парадоксально: «В последнее время из-за климатических изменений в Сеуле зима иногда бывает холоднее, чем в Москве. Если в такой зимний морозный вечер я, напившись водки, вернусь домой и усну, читая роман Достоевского, может быть, мне тоже будет сниться такой же сон, какой и русским».

Отвечая на последний вопрос, Перес Аленкор тоже уклоняется от прямого ответа, при этом давая ответ на другой вопрос, не менее важный. Оправдывая себя тем, что современную Россию он совсем не знает и судить ее не вправе, он заявляет, что предпочитает остаться с Алешей Карамазовым, которого как раз знает очень хорошо и очень любит.

Глубоко личное, заинтересованное, не «юбилейное», тревожное, не дающее однозначных ответов понимание нерасторжимой связи, существующей между романами Достоевского и Россией, находим у Анджея Стасюка, едва ли не самого знаменитого современного польского писателя, лауреата Европейской литературной премии за совокупность написанного.⁷

О том, что романы Достоевского, прочитанные в переводе на любой из языков мира, являются языком межнационального общения, напомнил Дато Маградзе: «Достоевский будет актуален в каждую эпоху, поскольку вечность переводится на язык любой из них. Думаю, международным языком гораздо в большей степени является язык вечности, чем английский».

Невольно вспоминаются слова Гоголя из главы «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», включенной в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Писатель пророчествовал, что русская поэзия пробовала все аккорды и добывала «всемирный язык» затем, «чтобы приготовить всех к служению более значительному».⁸ Другими словами, для той всемирной миссии, которая была русской литературе предначертана, она должна была сначала «добыть» *всемирный язык*.

⁷ Текст эссе Анджея Стасюка см. ниже на с. 26–28.

⁸ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М., 1952. Т. 8. С. 407.